

Постмодернизм vs целостность: социально-политический дискурс

Postmodernism vs wholeness: socio-political discourse

DOI: 10.12737/2587-6295-2020-70-79

УДК 321.01

Получено: 11.08.2020

Одобрено: 14.09.2020

Опубликовано: 25.09.2020

Ишутин А.А.

канд. филол. наук, доцент кафедры Фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

e-mail: a_ishutin@inbox.ru

Ishutin A.A.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Fundamental Legal and Social-Humanitarian Sciences, Moscow University for Industry and Finance «Synergy»

e-mail: a_ishutin@inbox.ru

Аннотация

Целью настоящей работы является рассмотрение мировоззренческих истоков и политических последствий постмодернизма в современном мире. В статье использовались такие методы научного исследования, как сравнительный метод, ретроспективный метод, герменевтический метод. Автор статьи утверждает, что в контексте краха проекта Модерн и идеи механистического человека идеологией западной цивилизации становится постмодернизм. Поначалу постмодернизм обозначил себя только в узком мире философских кружков, но уже тогда провозгласил себя мировоззрением радикального завершения эпохи целостности, «Больших проектов», «метанарративов» и всеобщности. Яркими представителями данной сверхидеологии стали философ Жиль Делёз и психоаналитик Феликс Гваттари, которые в качестве нового социального идеала провозгласили ризому, в которой, как в грибнице, отсутствуют корни, центры и опоры. Так и современный человек, согласно их мировоззрению, не должен укореняться нигде и ни в чём: ни в ценностном, ни в культурном, ни в пространственном плане. Человек в социуме становится неукоренённым кочевником, который не способен ни познавать мир, ни преобразовывать его. В результате происходит стремительное разделение мира на номадический рай кочевников-гедонистов и номадический ад для большей части населения земли. Согласно крупному европейскому элитарию Жаку Аттали, данная ситуация становится неотменяемой социально-политической реальностью.

Ключевые слова: целостность, модерн, постмодерн, метанарратив, ризома, мировое дерево, кочевничество, номадизм, элита.

Abstract

The purpose of the article is to examine the ideological origins and political consequences of postmodernism in the contemporary world. The article uses such methods of scientific research as the comparative method, the retrospective method, and the hermeneutical method. The author of the article claims that in the context of the collapse of the project «Modern» and the idea of a mechanistic man, postmodernism becomes the ideology of Western civilization. At first, postmodernism identified itself only in the narrow world of philosophical circles, but even then it declared itself as a worldview of radical completion of the era of wholeness, «Big projects»,

«metanarratives» and universality. Prominent representatives of this ideology were the philosopher Gilles Deleuze and the psychoanalyst Felix Guattari, who proclaimed «rhizome» as a new social ideal, in which, as in a mushroom, there are no roots, centers and supports. In the same way, a contemporary man, according to their worldview, should not take root anywhere or in anything: neither in value, nor in culture, nor in spatial terms. A person in society becomes an unrooted nomad who is not able to cognize the world or transform it. As a result, the world is rapidly divided into a nomadic paradise of nomadic Hedonists and a nomadic hell for most of the world's population. According to a European representative of the elite, Jacques Attali, this situation is becoming an irrevocable socio-political reality.

Keywords: wholeness, modern, postmodern, metanarrative, rhizome, world tree, nomadism, elite.

Введение

С начала Перестройки элита нашей страны весьма сильно ориентирована на Запад в ценностно-смысловом плане. Радикальному реформированию в новейший период отечественной истории была подвержена не только сфера экономических и социально-политических институтов, также была сделана масштабная попытка изменения общественного сознания, духовной жизни, традиционных ценностных ориентиров [14; 15]. И данная тенденция актуальна до сих пор. Но буквально с каждым днём становится все более понятным, что современная российская элита сильно неоднородна: противостояние условно «консервативной» части и так называемых «системных либералов» всё более прорывается на поверхность политической и медийной жизни страны. «Консервативная» башня не готова идти на то, чтобы соглашаться со всеми агрессивными выпадами Запада против России во внешней политике, но даже для представителей этой башни по-прежнему пиетет перед западными экономическими моделями, глобальными структурами, куда обязательно нужно почему-то входить, и культурными веяниями, слишком силён.

Нам необходимо понять следующее: а какой именно мировоззренческий мейнстрим движет современным Западом, а также – то же это мировоззрение и тот же это Запад, в который во времена Перестройки (а скорее всего, ещё задолго до неё) возмечтала войти советская номенклатура? Перестройка ознаменовала масштабную трансформацию политической и правовой систем, выразившуюся, в частности, в коренных изменениях в структуре высших органов власти, формированию правовой основы многопартийности [7, с .204–205]. Демократия, гласность, права человека, сменяемость власти, участие народа в выборном процессе, устремлённая вдаль стрела прогресса – весь этот набор классического либерально-буржуазного модерна по-прежнему актуален? Или всё вышеперечисленное, несмотря на сохранение самой терминологии в дипломатическом языке, является реликтом уходящего, «модернистского» Запада, а на его место пришло нечто иное, сильно мутировавшее, то, что следует после Модерна и во многом его отрицает? Попытаемся разобраться в данных вопросах.

Тема постмодернизма как важнейшая в социально-политической плоскости современности разобрана в той или иной степени в работах Д.А. Силичева «Постмодернизм: экономика, политика, культура» [18], Франка Фехнера «Политика и постмодернизм» [22] и И.В. Цуриной «Социально-политический контекст философии постмодернизма» [21]. Отдельно хотелось бы отметить статью Ю.В. Ирхина «Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ» [8] и фундаментальный труд Ю.В. Бялого «Концептуальная война» [3], в которых содержатся важные замечания в плоскости сопоставления модерна и постмодерна. Наконец, в одной из работ автора статьи обозначена роль постмодернизма как разрушителя социально-политической идеи целостности в онтологическом плане и идеи проектирования в социально-политической сфере [9].

Методы

Необходимо обозначить методы, используемые в данной статье. Исходя из специфики статьи, автор задействует сравнительный метод для сопоставления политико-философских концепций Модерна и постмодерна. Также используются ретроспективный и герменевтический методы. Применяя ретроспективный метод, автор проследил эволюцию постмодернистской парадигмы от узкого философского течения до глобального социально-политического проекта. Применяя герменевтический метод, автор статьи исходил из необходимости исследования текстов идеологов постмодернизма, их анализа, понимания и интерпретации, что позволило достичь определённых научных целей в соответствии с замыслом и тематикой статьи.

Социально-политический кризис Модерна и «механистического» человека

После Первой мировой войны начинается тяжелейший кризис того проекта, который так или иначе вдохновлял Европу, начиная с XVII в., проекта, за которым закрепилось название *Модерн*. Остальное человечество в связи с активными колониальными захватами европейцев постепенно воспринимали аналогичные ценности, естественно со своей спецификой. Новое время действительно породило веру в бесконечный прогресс научно-технической сферы, нравственных, духовных и интеллектуальных начал в человеке. Также ко всему этому должен был приложиться, конечно, и прогресс в социальной сфере, т.е. общество постепенно должно было становиться более справедливым.

Первая мировая война со всей очевидностью продемонстрировала, что прогресс технический, прогресс личностный и прогресс социальный движутся слишком неравномерно, что человек по-прежнему остался «волком» (*homo homini lupus est* – афоризм, который любил использовать крупнейший политический мыслитель Нового времени Томас Гоббс) и что это не может не приводить к ужасным бойням.

Пессимизм в отношении Модерна начинает носить всеобъемлющий характер. Буквально во всех сферах культуры этот пессимизм себя так или иначе проявляет: декадентство становится, так сказать, творческим фоном эпохи и выражается непосредственно как в продуктах творчества, так и в стиле поведения многих субъектов творчества (поэтов, писателей, художников и т.д.), которые таким образом нарочито демонстрировали кризис уходящей системы ценностей.

Справедливости ради следует отметить, что существенная часть философской и социально-политической критики Модерна была вполне обоснованной. Так, ещё Фридрих Ницше писал: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью. Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращённый назад, опасны страх и остановка. В человеке важно то, что он мост, а не цель...» [16, с. 301]. Ницше небезосновательно отметил, что человек – это именно состояние, причём крайне неустойчивое, что *ratio* (краеугольный камень западноевропейского Модерна) – это далеко не единственная и не самая важная составляющая человеческого естества и что механизация человека – это серьёзнейшая опасность, которая может привести к ужасающим последствиям. Какие экстравагантные выводы последовали у Ницше из вышеуказанных обоснованных констатаций – это отдельная тема, но то, что он нащупал острейшую социальную проблематику будущего ещё в XIX в., когда в Западной Европе господствовал радикальный позитивизм, можно поставить ему в заслугу.

В русской социально-политической и философской мысли отношение к Модерну было двоякое. С одной стороны, многие русские мыслители и в XIX, и в XX в. последовательно противопоставляли своё мировоззрение западноевропейскому рационализму, эмпиризму, позитивизму и схематизму именно по причине их односторонности и неспособности соединить воедино гносеологическое, этическое, эстетическое и социально-политическое начало (В.Ф. Одоевский, славянофилы, В.С. Соловьёв, В.Ф. Эрн и т.д.). Идея же развития вполне принималась в русском смысловом поле [14].

Итак, в ситуации жёсткого кризиса Модерн нуждался в корректировке, которая означала наполнение его идеей целостности: познания, человеческой личности и общества. Однако всё пошло в совершенно противоположном направлении: а именно по пути окончательного разрушения как идеи целостности, так и идеи развития вообще. Для осуществления данной неприглядной функции оказался востребован постмодернизм.

Раскрепощение частей:

мировоззренческие основания постмодернизма

Постмодернизм обозначил себя в мире философских кружков только в 60-70-х гг. XX в. Жан-Франсуа Лиотар в 1979 г. выпускает книгу «Состояние постмодерна», которая становится программной. В ней Лиотар провозглашает конец эпохи «Больших проектов», «метанарративов» и всеобщности [13]. Более того, он заявляет, что в итоге целостности необходимо объявить войну [12, с. 32]. Постмодернисты, начав свою деятельность из университетской среды, провозгласили крах Модерна и появление мира после-Модерна, а это означает принципиально иное мировоззрение.

Яркими персонажами постмодернизма стали философ Жиль Делёз и психоаналитик Феликс Гваттари. Их творческий союз, выраженный в совместных работах, принёс понимание того, каков он, новый мир, в восприятии постмодернизма. Грядущий мир, согласно их точке зрения, – это мир Руин. Вспомним, что ещё древние греки говорили о Космосе как об объекте, свойством которого были целостность и структурность. В грядущую эпоху всё это нужно забыть: остались только обломки систем и смыслов. Как и фрагменты античных статуй, эти обломки бессмысленно пытаться склеивать в погоне за утраченной целостностью [4, с. 684].

Разрушая целостность в сфере онтологии, постмодернисты переносят это разрушение и в социальную плоскость. Человек, согласно их мировоззрению, не должен укореняться нигде и ни в чём: ни в ценностном, ни в пространственном плане. И в этой ситуации их идеалом становится «ризом» (фр. *rhizome* «корневище»). В мире ризомы всё происходит абсолютно спонтанно через случайные трансформации. В мире ризомы, как в грибнице, отсутствуют корни, центры и опоры [6, с. 38]. В нём нет осмысленной причинно-следственной траектории «корень — ствол — ветви — ветки — листья». «Мы не должны больше верить деревьям, их корням, корешкам, мы слишком пострадали от этого», — эмоционально заявляют Делёз и Гваттари [6, с. 26–27]. В ризоме нет того, что ещё с самых древнейших времён было осознано человеком в качестве основы мироздания – Мирового древа.

Российский филолог В.Н. Топоров, крупнейший специалист по мифологической картине мира, характеризует Мировое древо как важный «для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира»: «древо жизни», «ось мира» (*axis mundi*), «древо восхождения», «мировой столп», «древо центра», «небесное древо», «шаманское древо», «мировая гора», «древо плодородия», «мистическое древо», «древо познания» и т.п. [19]. То есть Древо мира было символом великой вселенской смысловой вертикали, символом, который возник ещё в далёкие мифологические, языческие времена. Такую вертикаль переняли монотеистические религии (христианство, ислам). Однако и светские идеологии Модерна (буржуазный либерализм и социализм), откинув ритуальную составляющую, от ценностной и смысловой вертикали не отказались, так как без неё развитие невозможно в принципе.

В онтологическом плане постмодернизм задался недвусмысленной целью обрушить эту вертикаль окончательно и бесповоротно (хотя само слово «цель» глубоко чуждо постмодернизму). Для этого и была обоснована концепция ризомы как абсолютной противоположности Древу. Делёз и Гваттари отмечают, что «ризом – это нелинейный процесс, весь состоящий из мгновенных и случайных «ветвлений» в любом направлении». Действует ризом «благодаря вариации, экспансии, завоеванию, захвату, уколу» [6, с. 38].

В ризоме отсутствует понятие «глубина», всё происходит на поверхности по линиям ускользания [6, с.16–17]. Связующий каркас отсутствует, линии ускользания могут друг

друга касаться, однако это соприкосновение может быть только очень кратковременным, почти мгновенным и, что самое важное, лишено цели, смысла и целостности. То есть человеку в этом мире совершенно не на что опереться. По пути ему встречаются только линии ускользания и тотальная зыбкость, поверхностность во всём. «Ускользнуть» предлагается даже от смерти, которую, конечно, нельзя отменить полностью, но которую можно растворить в потоке вариаций-трансформаций [6, с. 182]. Более того, искать ничего незыбкого и не нужно, так как его в принципе и нет. Уничтожение в человеке и человеческом обществе стержня, смысла и целостности стало побочным эффектом постмодернизма (а можно предположить, и его изначальной задачей).

Кочевничество как социально-политическая модель постмодернизма

В контексте отсутствия глубины и смысла человек превращается в кочевника с отсутствием укоренённости в чём бы то ни было: в семье, в стране. «Никогда не пускать корней, хоть и трудно избежать такого соблазна» – провозглашают Делёз и Гваттари и даже в этой связи вводят понятие «антигенеалогия» [6, с. 19].

Становится предельно понятно, почему в русской философии, публицистике и литературе такое большое место занимают идея почвенничества и идея целостности, причём часто в одном смысловом поле. Философ-почвенник XIX в. Н.Н. Страхов писал: «Мир есть целое, то есть он связан во всех направлениях, в каких только может его рассматривать наш ум. Мир есть единое целое, то есть он не распадается на две, на три, или вообще на несколько сущностей, связанных независимо от их собственных свойств. Такое единство мира можно получить не иначе, как *одухотворив природу*, признав, что истинная сущность вещей состоит в различных степенях воплощающегося духа» [20, с. VII–VIII].

Но вернёмся к постмодернизму. В нарисованной им картине мира нет места коллективизму или соборности вообще. Человек может слиться с толпой таких же кочевников на недолгий промежуток времени, а затем так же легко ускользнуть к другому кочевому племени, в другую «тусовку». Здесь действительно вспоминаются такие слова из молодёжного сленга, как «тусовка» и «тусовщик». Они весьма точно отражают суть явления. Движение как категория носит совершенно случайный характер, оно может быть внезапно искривлено, оборвано, перескочить на другую траекторию по принципу ризомы.

Говорить о какой-либо ответственности в данном контексте неуместно вовсе. Бегство в новизну здесь носит болезненный и несколько даже параноидальный характер. Параноидальность заключается в том, что человек должен больше всего бояться надзора власти и бежать от неё, бояться и бежать. Причём речь идёт уже не о конкретных репрессиях, а о том, что вообще любая укоренённость тоталитарна по своей сути.

Итак, о социальной целостности в данном случае речи быть не может. Но и о целостности личности тоже можно забыть, так как индивид без цели и смысла не может быть личностью. Такой индивид живёт случайными встречами и поверхностными отношениями, у него нет системы ценностей, да и по всем остальным параметрам он слишком «подвижен». Такой кочевник-тусовщик не способен познавать мир и тем более преобразовывать его, только случайное скольжение с подвижными функциями и фиктивной новизной. Вспоминаются в данном контексте нескончаемые агрессивно навязываемые дискуссии уже нашего времени о том, что пола вообще нет, а есть гендер, который может меняться в зависимости от настроения: сегодня мужчина, завтра женщина, и наоборот.

Итак, Делёз и Гваттари объявляют настоящую войну любой оседлости и, конечно, самому основному институту оседлости – государству с его нормами, идеологией, культурой. Осуществляя исторические экскурсы, они даже начинают восхищаться кочевыми ордами, которые исторически якобы побеждали оседлые государственные (конечно, всегда «тоталитарные») образования. Делёз и Гваттари отмечают, что «у кочевников нет истории, у них есть только география» [6, с. 664]. То, что можно найти гораздо большее число обратных примеров, когда оседлые цивилизации побеждали кочевников и, что самое главное, именно

оседлые цивилизации оставляли существенный культурный след в истории, они грубо игнорируют.

Вспомним в этом контексте русского социолога и геополитика Н.Я. Данилевского, который в своей знаковой работе «Россия и Европа», рассуждая о культурно-исторических типах, называл кочевые цивилизации «отрицательными», подразумевая, что их функция в мировом историческом процессе сводится к тому, чтобы помочь погибнуть стареющим «положительным» цивилизациям [5, с.103]. А вот, по Делёзу и Гваттари, врываться в чужой мир в непрерывном хаотичном движении, присваивать чужое – это и есть настоящая свобода. Это и есть стиль кочевника: он потребитель, а не создатель. Такова суть номадологии как проекта [6, с. 587–716].

Постмодернизм в сфере политической футурологии

Все эти постмодернистские интеллектуальные изыскания, возможно, так и остались бы просто эпатажем в рамках университетских философских кружков, если бы на них не обратили самое пристальное внимание серьёзные элитарии. Постмодернистские идеи оказались востребованы в самых верхах, и на языке постмодернизма заговорили в сфере большой политики.

Например, Жак Аттали, глава Европейского банка реконструкции и развития, человек, игравший немалую роль в аппарате президента Франсуа Миттерана, в начале 90-х годов начинает активную деятельность в сфере футурологии. Эта деятельность выразилась у него в весьма значимой и замеченной книге «На пороге нового тысячелетия» [2]. Неудивительно, что появление книги совпало с распадом социалистической системы. Мир двух противостоящих друг другу модернов закончился. Начиналось что-то совсем иное с концептуальной точки зрения.

Образ будущего, продвигаемый Аттали, поразительным образом совпадает с постмодернистским идеалом глобального кочевничества Делёза и Гваттари. Аттали считает, что это желаемое состояние стремительно приближается развитием информационных технологий и установлением глобального рынка. Он говорит о всемирном «торговом строе», хотя точнее его следует обозначить не как «торговый», а как «банковский», и Аттали как человек из верхов банковской сферы не может об этом не знать. В новом мире укоренённость бессмысленна вообще, актуален только «номадический» (т.е. кочевнический) идеал с определённым набором переносных гаджетов: персональный компьютер, кредитная карта, плеер, мобильный телефон и т.п. [2, с. 24–25].

Обратим внимание на то, что в начале 90-х, когда Аттали озвучивал впервые эти положения, уровень технических гаджетов был куда более скромным. Не было ещё доступной всем мобильной связи, компактных ноутбуков и интернета во всех мобильных устройствах. Всё перечисленное – это условие освобождения от диктата пространства.

Также в будущем, согласно мнению Аттали, необходимы номадические предметы для самолечения и самодиагностики, а в идеале биопротезы и инструменты для генетических коррекций. Это нужно для освобождения уже от диктата времени. Особое внимание Аттали уделяет «магнитной карточке», которая заменит индивидуальность человека полностью и станет и удостоверением личности, и чековой книжкой с пропуском к глобальному Рынку, и вообще «протезом Я» человека [3, с. 170]. В более новой своей работе «Краткая история будущего» он подробно расшифровывает термин «виртуальные кочевники» [1, с. 126–129].

На первый взгляд, возникает ощущение того, что ничего негативного в продвигаемом образе будущего не предлагается: мобильный телефон и планшет со «всеми знаниями мира» – это действительно очень удобно. Однако проблема в том, что «номадический рай» со всеми благами будет доступен, согласно предсказаниям Аттали, только для узкой группы лиц. Эта группа пребывает в состоянии нарциссизма и полностью свободна от власти, семьи, ценностей, общества и т.п. (идеальная постмодернистская персона).

О «райские обители» кочевников-гедонистов будут тщетно биться кочевники-изгои. Изгои будут грызть друг друга за то, чтобы урвать от «рая» хотя бы какие-то крохи.

Возникает два совершенно разных мира, между которыми устанавливается жёсткая перегородка [2, с. 18–19]. Общество становится абсолютно толпо-элитарным, и это уже не имеет ничего общего даже с классическим капитализмом.

Вспомним, что в XIX в. преобладало иное мировоззрение: все народы движутся по пути прогресса, но есть те, кто делает это быстрее, и те, кто медленнее. На этой почве между европейскими нациями и возникала жесточайшая конкуренция. В наибольшей степени «самоуверенная» идеология превосходства над всеми остальными была свойственна англосаксам. В лаконичной поэтической форме такой англосаксонский снобизм был выражен, например, Редьярдом Киплингом в строчках про «бремя белых», которые несут цивилизацию «угрюмым племенам» [11, с. 180]. Однако всё же такой подход не предполагал разделение мира на номадический рай нарциссов-гедонистов и номадический ад (фактически новый каменный век) для большей части населения земли. Разумеется, странно было бы романтизировать классический капитализм, однако важно зафиксировать тот факт, что за последний век произошла мутация Запада, и вектор этой мутации лежит как раз в мировоззренческой плоскости: от Модерна к постмодерну.

Заключение

В нынешней реальности мы можем воочию наблюдать, как постмодернизм уже заработал в качестве социополитического проекта, только приводит это, увы, не к прогрессу. «Номадические» постмодернистские симптомы налицо.

Во-первых, это трудовые номады, которые огромными потоками перемещаются из страны в страну. Эти перемещения отнюдь не приводят к культурной ассимиляции и, пожалуй, даже её уже и не предполагают, так как национальные государства, в которых национальная культура была условием возникновения наций, становятся реликтами уходящей эпохи Модерна. Приобщаться к культуре суверенного государства трудовым мигрантам необязательно. Такая ситуация приводит к колоссальной межнациональной напряжённости. Возникают криминализованные этнические анклав, куда боятся заходить даже представители правопорядка. Для многих западноевропейских городов такая ситуация – печальная реальность. В США полыхают агрессивные акции «Black Lives Matter», которые ставят под вопрос американскую идентичность. Непростая ситуация с национальным вопросом и в России.

Во-вторых, это военные номады – частные армии, которые уже стали реальностью нашего времени. Особенно такими армиями славятся США. Наиболее известными американскими частными военными компаниями стали Academi (в прошлом Blackwater), Erinys, DynCorp, Kellogg, Brown and Root. Россия регулярно становилась жертвой подобных неофициальных структур в конце 80-х и на протяжении всех 90-х годов. Достаточно вспомнить две чеченские войны, в которых отметились многочисленные «банды кочевников» и из так называемого «цивилизованного» мира, и из всего остального. Следует отметить, что России в сложившейся ситуации тоже приходится принимать новую реальность и создавать свои частные армии (ЧВК Вагнера, например).

В-третьих, это экономические номады, которые занимаются искусственным уничтожением и погружением в нищету целых стран и народов посредством экономических манипуляций и долгового удушения. Такое киллерство с далеко идущими экономическими последствиями описано, например, в книге Джона Перкинса «Исповедь экономического убийцы» [17].

Таким образом, постмодернизм – это не просто экстравагантное философское течение XX–XXI вв. Это и есть социополитическая сверхидеология современного Запада. Мы имеем все основания предположить, что постмодернизм получил распространение не сам по себе, постепенно привлекая сторонников за пределами университетских кружков, а потому, что он оказался весьма востребованным со стороны определённого сегмента глобальной, транснациональной элиты.

Разумеется, постмодернизм – это мировоззрение этой элиты вовсе не для себя самой, а именно идеальное информационное оружие против толпы, которая должна пребывать в состоянии раздробленного сознания, тотального непонимания происходящих процессов, если сказать резче, «калейдоскопического идиотизма». Категорическое утверждение невозможности целостного человека и целостного общества [10] делает нереальным для граждан и какое-либо проектирование своего будущего, а это весьма удобно для глобальной элиты, у которой с проектированием всё весьма неплохо. Но трагизм ситуации в том, что такой подход неминуемо приводит человечество к обществу ещё большей социальной несправедливости.

А для российской элиты есть серьёзный повод для размышления: а нужно ли входить в такой Запад, который столь радикально мутировал и в котором населению России может быть уготовано только место в «номадическом аду»?

Литература

1. *Аттали Ж.* Краткая история будущего. – Санкт-Петербург: Питер, 2014. – 288 с.
2. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. — Москва: Международные отношения, 1993. – 134 с.
3. *Бялый Ю.В.* Концептуальная война. – Москва: МОФ ЭТЦ, 2013. – 320 с.
4. *Грицанов А.А.* Постмодернизм: Энциклопедия. – Москва: Книжный дом, 2001. – 1040 с.
5. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. – Москва: Алгоритм, 2014. – 838 с.
6. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. – Москва: У-Фактория, АСТ, 2010. – 895 с.
7. *Долгих Ф.И.* История отечественного государства и права: учебное пособие. Москва: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2012. – 336 с.
8. *Ирхин Ю.В.* Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // *Полития.* №4 (39). Зима 2005-2006. – С. 136-160.
9. *Ииутин А.А.* Идея целостности как российский социально-политический феномен // *Журнал политических исследований.* – 2020. Т. 4. №2. – С. 129-137. - URL: <https://naukaru.ru/en/nauka/article/38597/view>
10. *Ииутин А.А.* Некоторые теоретические аспекты холизма как философской позиции // *Вестник МГОУ. Серия: Философские науки.* – 2017. – №4. – С. 21–30. – URL: <https://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/11522>
11. *Киплинг Р.* Стихотворения. Роман. Рассказы. – Москва: Рипол Классик, 1998. – 960 с.
12. *Лиотар Ж.-Ф.* Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982–1985. – Москва: РГГУ, 2008. – 145 с.
13. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. – Москва, Санкт-Петербург: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 1998. – 159 с.
14. *Матюхин А.В.* Общественная мысль России XIX – начала XX вв. // *Социально-гуманитарные знания.* – 2009. – № 2. – С. 230–245.
15. *Матюхин А.В.* Социально-политические изменения в постсоветской России: особенности радикального реформирования // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал).* – 2015. – № 4. – С. 113–119. – URL: <http://evestnik-mgou.ru/ru>
16. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. — Москва, Харьков: Эксмо, Фолио, 2003. – 848 с.
17. *Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы. – Москва: Претекст, 2014. – 350 с.
18. *Силичев Д.А.* Постмодернизм: экономика, политика, культура: Учеб. пособие. – Москва: Фин. акад. при Правительстве РФ, 1998. – 195 с.
19. *Топоров В.Н.* Древо Мировое // *Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 тт.* – Москва: Советская Энциклопедия, 1980. – С.398–406.

20. *Страхов Н.Н.* Мир как целое. – Санкт-Петербург: Типография бр. Пантелеевых, 1892. – 582 с.
21. *Цурина И.В.* Социально-политический контекст философии постмодернизма: Науч.-аналит. обзор. – Москва: ИНИОН, 1994. – 52 с.
22. *Fechner, Frank.* Politik und Postmoderne: Postmodernisierung als Demokratisierung? / Frank Fechner. – Wien: Passagen, Cop. 1990. – 153 с.

References

1. Attali Zh. Kratkaja istorija budushhego [A brief history of the future]. SPb., Piter Publ, 2014, 288 p.
2. Attali Zh. Na poroge novogo tysjacheletija [On the threshold of the new Millennium]. M., Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1993, 134 p.
3. Bjalyj Ju.V. Konceptual'naja vojna [A concept war]. M., MOF JeTC Publ., 2013, 320 p.
4. Gricanov A.A. Postmodernizm: Jenciklopedija [Postmodernism: An Encyclopedia]. M., Knizhnyj dom Pupil., 2001, 1040 p.
5. Danilevskij N.Ja. Rossiya i Evropa. Jepoha stolknovenija civilizacij [Russia and Europe. The era of the clash of civilizations]. M., Algoritm Publ., 2014, 838 p.
6. Deljoz Zh., Gvattari F. Tysjacha plato. Kapitalizm i shizofrenija [A thousand plateaus. Capitalism and schizophrenia]. M., U-Faktorija, AST Publ., 2010. 895 p.
7. Dolgih F.I. Istorija otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnoe posobie [History of the Russian state and law: textbook]. M., Moskovskij finansovo-promyshlennyj universitet «Sinergija» Publ., 2012, 336 p.
8. Irhin Ju.V. Socium i politika v postmodernistskom zazerkal'e: vzgljady, podhody, analiz. *Politija*. [Polity]. №4 (39), winter 2005-2006, pp.136–160.
9. Ishutin A.A. Ideja celostnosti kak rossijskij social'no-politicheskij fenomen [The idea of wholeness as a Russian socio-political phenomenon]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Politic Research]. 2020, Vol.4, I.2, pp.129–137. URL: <https://naukaru.ru/en/nauka/article/38597/view>
10. Ishutin A.A. Nekotorye teoreticheskie aspekty kholizma kak filosofskoy pozitsii [Some theoretical aspects of holism as a philosophical position]. *Vestnik MGOU. Seriya: Filosofskie nauki*. [Bulletin of the Moscow state regional University: Series: philosophical Sciences]. 2017, №4, pp.21-30. <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/11522>
11. Kipling R. Stihotvorenija. Roman. Rasskazy [Poems. Novel. Stories]. M., Ripol Klassik Publ., 1998, 960 p.
12. Liotar Zh.-F. Postmodern v izlozhenii dlja detej: Pis'ma: 1982–1985 [Postmodernism as presented for children: Letters: 1982-1985]. M., RGGU Publ., 2008, 145 p.
13. Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna [The condition of postmodernity]. M., SPb., Institut jeksperimental'noj sociologii, Aletejja Publ., 1998, 159 p.
14. Matjuhin A.V. Obshestvennaja mysl' Rossii XIX – nachala XX vv. [Public thought of Russia in the XIX-early XX centuries]. *Social'no-gumanitarnye znanija*. [Social and humanitarian knowledge]. 2009, №2, p.230–245.
15. Matjuhin A.V. Social'no-politicheskie izmenenija v postsovetskoj Rossii: osobennosti radikal'nogo reformirovanija [Socio-political changes in post-Soviet Russia: features of radical reform]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal)*. [Bulletin of the Moscow state regional University (electronic journal)]. 2015, №4, p.113–119. URL: <http://evestnik-mgou.ru/ru>
16. Nicshe F. Po tu storonu dobra i zla [Beyond good and evil]. M., Har'kov, Jeksmo, Folio Publ., 2003, 848 p.
17. Perkins Dzh. Ispoved' jekonomicheskogo ubijcy [Confessions of an economic killer]. M., Pretekst Publ., 2014, 350 p.

18. Silichev D.A. Postmodernizm: jekonomika, politika, kul'tura: Ucheb. Posobie [Postmodernism: Economics, politics, culture: Textbook]. M, Fin. akad. pri Pravitel'stve RF Publ., 1998, 195 p.
19. Toporov V.N. Drevo Mirovoe [World Tree]. *Mify narodov mira: Jenciklopedija v 2 tt.* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia in 2 vols.]. M., Sovetskaja Jenciklopedija Publ., 1980, pp.398–406.
20. Strahov N.N. Mir kak celoe [The world as a whole]. SPb., Tipografija br. Panteleevykh Publ., 1892, 582 p.
21. Curina I.V. Social'no-politicheskiy kontekst filosofii postmodernizma: Nauch.-analit. Obzor [Socio-political context of the philosophy of postmodernism: Scientific and analytical review]. M., INION, 1994, 52 p.
22. Fechner, Frank. Politik und Postmoderne: Postmodernisierung als Demokratisierung? [Politics and postmodernism: Postmodernization as democratization]. Wien, Passagen Publ., Cop. 1990, 153 p.